

Владимир Дементьев

Последние каникулы

двойной портрет

Владимир Дементьев

**Последние каникулы.
двойной портрет**

«Издательские решения»

Дементьев В.

Последние каникулы. двойной портрет / В. Дементьев —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-749824-5

Поиски исторических ценностей, неожиданные находки. В основу книги
положены подлинные события. Почти все имена сохранены.

ISBN 978-5-44-749824-5

© Дементьев В.
© Издательские решения

Содержание

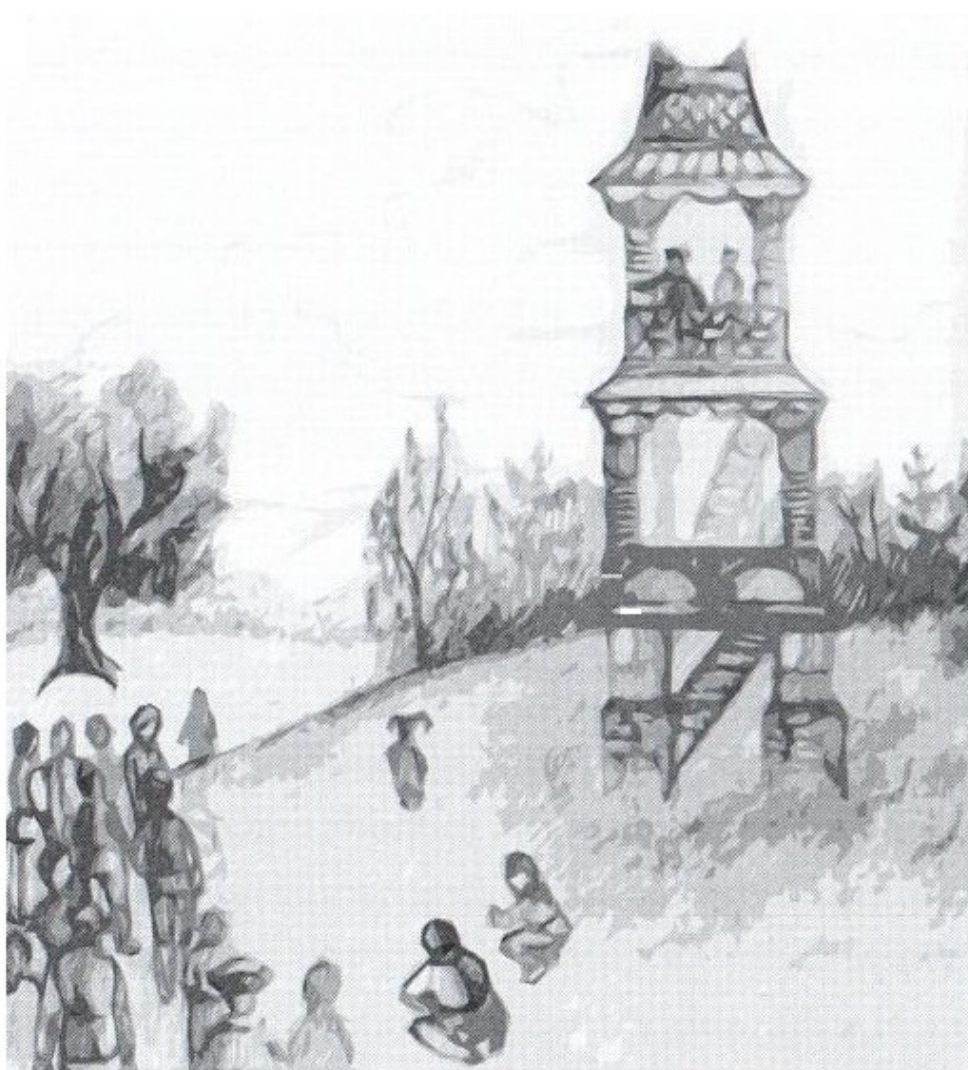
Перстень с солитером	6
Конец ознакомительного фрагмента.	14

**Последние каникулы
двойной портрет
Владимир Дементьев**

© Владимир Дементьев, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Перстень с солитером

В руках у меня старый блокнот. На его бледно-зелёной обложке два золотых иероглифа и четыре на корешке, что они означают я так и не удосужился узнать. Подарили мне его в Пекине, где я жил в интернате пока родители работали в городе Лоян провинции Хенань. Помню, такой подарок сильно расстроил меня. Я так хотел, так ждал альбом для марок, а тут... Правда, некоторое время марки в нём всё же хранились. С каким наслаждением я рассматривал и перекладывал их, листая шелковистые страницы палевого оттенка. Постепенно мне стал нравиться причудливый орнамент в виде драконов в верхней части каждого листа и цветочной орнамент внизу, мельчайшие точки, образующие паутинные линии строк. И после того, как марки обрели надлежащее хранение, я решил использовать блокнот по его прямому назначению – вести дневник. Но каждый раз, как только я брался за него, становилось ясно – писать не о чем. И всё же страницы не остались нетронутыми. Произошло это много позже, уже в Москве. Тогда, помню, отец из Индии прислал мне с десяток шариковых ручек. Большую часть я раздал. В классе были в восторге! В то время таких ручек ещё ни у кого не было. Самой тонкой из них написаны первые страницы. Вначале я писал на отдельных листочках и, лишь убедившись, что всё верно раскрывал блокнот. Затем стал писать сразу начисто, разумеется,

огорчался, если замечал неточности. Но не вымарывать же! Под конец, однако, не понравившееся аккуратно зачёркивал. «Главное содержание, а не форма» – подбадривал я себя.

Содержание блокнота я привожу без каких-либо изменений, разве что с исправлением замеченных ошибок. Как говорится, лыщу себя надеждой, что внукам события тех лет будут интересны.

1

В преклонном возрасте Владимир Кузьмич был статен, с огромной аккуратной бородой, всегда опрятно одет. Движения его были несколько замедленными и от того казались преисполненными некой особой значимости. Жил Владимир Кузьмич один, в маленьком складном доме, в стороне от других домов деревни. В округе почему-то прозвали его «барин», которым, конечно, он никогда не был, а сколько мог плотничал, вел хозяйство и никому не отказывал в помощи. Мастером он был замечательным, несмотря на то, что на правой руке не было у него большого пальца и двух фаланг указательного. Подружились, если это только можно так назвать, мы с ним много раньше, когда я был еще пионером. Поначалу, правда, смеялся над ним. Бывало, в солнечную погоду весной выйдет он на пригорок, где снег только что стаял, не торопясь снимет валенки и встанет на землю. Нам, мальчишкам, смешно: – Смотри-ка, Барин, по траве соскучился! А ноги-то на земле не умещаются: пятки в снегу стоят!

Крикнешь ему: – Холодно босиком-то?

– Ничего, брат ты мой, – только и ответит.

Или осенью у околицы сядет на лавку под дуб, снимет картуз и дает нам: – Наберите-ка желудков попробовать.

Мы нарочно со всей округи полный картуз с горочкой наберём. Он лишь покачает укоризненно головой, очистит и жуёт. Скажешь: – Горько ведь.

А он своё: – Ничего, брат ты мой.

Мы хохочем: – Барин, а жёлуди ест!

Шикнет на нас – мы врассыпную. Весело было. Не припомню, были ли летом у него какие-нибудь чудачества... В это время года в деревне он бывал нечасто – работал с другими плотниками на больших по деревенским масштабам стройках. Впрочем, любил прийти на огромный холм, сесть на уцелевший от некогда стоявшей там вышки фундамент и долго сидеть, изредка то ли ощупывая, то ли поглаживая старые камни. Когда я туда приходил один, он непременно звал к себе: – Посиди, камни тут тёплые. Ишь, как запыхался, всё бегом, торопись... а ты не торопись...

Сидим молча. Вот как-то спрашиваю: – Дедушка, что ты здесь делаешь?

– Место больно замечательное. И опять молчит. Погладил камень и говорит: – Эту кладку еще Немец делал.

– Как это? Она же еще раньше была?!

– Да не фашист... от него, вишь, кругом одни окопы остались. Каменщика так прозвали, потому что глухонемой он был и неженатый. И как сложил! Когда мужики хотели разобрать на кирпичи, веришь ли, ни одного не смогли целым выломать; пыль одна шла да мелкие крошки. Провозились с пол-дня да инструмент попортили, и только. А ведь ты думаешь, почему окопы кругом нарыты, а здесь нет? Не знаешь? Да земли здесь на полштыка, не больше! Под столбы эти, на самую макушку, щебня натаскали – страсть, извести навезли, еще чего-то... Воду, помню, возили, а Немец заправлял, что и как делать знал точно. Так что, не смог фашист окопы здесь выкопать... хотя конечно... наверно, ругался.

Старик встал и хотел, было, уйти, да я упросил его ещё рассказать. Он недовольно помолчал и продолжил: – Каменщик был мастером, таких теперь и не рожают! На речке остров – Купальня, знаешь? Думаешь, ребяташки там плескаются, вот и Купальня? А там и вправду она была, это всё в мирное время ещё было... Так вот, купальню эту тоже Немец построил прямо в воде из розового мрамора! Да так, что и щелей-то видно не было! Вроде бы на спор построил,

дескать мастер у меня есть – что хошь сложит. Да кто ж это знает? Может и не спорили! Барин-то поначалу дежурство установил: каждый день какой-нибудь двор её чистить обязан был. За деньги, конечно, и кто хотел, но не упомню, отказывался ли кто. Да и почему не почи- стить? Купальня маленькая была, мелкая. Ребятишки всё равно дрызгаются. А тут на виду – не утонут. Да и от денег кто откажется? Ну, об них говорить... ты ещё мал...

– Дедушка, расскажи ещё!

Помолчали.

– Вот под тот столб барин сам золотой червонец положил. Что уж под другими – не знаю, не видел. Когда Немец подготовил макушку-то, народу собралось – тьма! Слухи быстро ползут! День был жаркий... Пришли даже из Тучково! Тогда оно называлось «Мухино». Всем было интересно как вышку строить будут, да и подработать хотелось. Шептались, что с вышки даже Москву видать можно будет. Батюшка, помню, смурый был, но благословил, как положено. И тут барин важно так достал монету, всем показал и бросил в яму. Каменщик на коленки встал, перекрестился да на червонец кирпич и поставил. И началось! Да... В этих местах такие дела были, брат ты мой!

Старик умолк и стало как-то неловко.

– А под купальню тоже барин деньги положил?

– Кто его знает? Она раньше была построена. Однако заболтался.

Дед встал, одернул рубаху и ушел. Я посидел немного, зачем-то залез на столб, на кото- рый показывал Владимир Кузьмич, постучал по нему каблуком, попрыгал и пошел дальше. А дома бабка ругает: – Что это ты всё с Бариним ходишь? Али мальчишек мало? Он ведь не свой век живёт! И на вышку всё бегаешь чего? Он понятно: сторожем при ней был. А ты?

– А он говорит, что под вышку барин золотой червонец положил.

– А ты больше его слушай! Нечто золото кладут? Пятнадцать копеек серебром – пяти- алтынный – надо под каждый угол.

– Как, бабушка, и ты на строительстве вышки была?

– Да господь с тобой, я тогда ещё совсем махонькая была.

– Откуда же ты знаешь?

– Ну, нечего под ногами путаться! Ступай, ступай, погуляй, шалопут!

2

В другой раз разговорились мы с Владимиром Кузьмичом на лавке, под старым дубом. – Там, где теперь пионерлагерь, была усадьба барина Леманна. И у других усадьбы тоже име- лись, да жили они больше в Москве, а наш «первопрестольную присутствием не жаловал» – его слова... Не скажу, что очень богатым он был, но с замашками барскими. Когда его дом разбирали, то, веришь ли, между бревнами и внутренними панелями листы из пробки были – должно быть тишину любил. Уж сколько домов да изб поставил да перестроил, а о таком даже и не слыхивал. А вышку какую построил! Я тогда, можно сказать, еще мальчишкой был, хотя и здоровее всех сверстников, и от того казался гораздо старше. Так вот, пристроился я помо- гать плотникам. А старшим у них был Иван Егорыч -левша. Топор у него будто сам работал – посмотреть любо-дорого. Ну, я по молодости, да по глупости решил тоже попробовать левой, да как-то и хватил себя. Народ-то всё бросил, да ко мне. «Убили!» – кричат. А мой дед, цар- ствие ему небесное, табачным пеплом рану присыпал, тряпицей перевязал и говорит: «Ничего, брат, ты мой!»

Пока руку лечили, понял: мастерство не в руках – оно внутри. Плотникам всё же помогал, а когда вышку построили, барин сам предложил стать мне при ней сторожем. Отец с матерью согласились, и я тоже. Отчего не посторожить? Платил, конечно, и неплохо за такую-то работу. Да...

А вышку выстроил красивую: четыре столба-фундамента из кирпича, на них столбы бревенчатые, затем – большая площадка с резными перилами, а от неё опять столбы, но уже из дуба, и кончались они площадкой поменьше, конечно, тоже дубовой, резной. Вышка-то по чертежам строилась, а резьбу Иван Егорыч делал по своему усмотрению – даром, что плотник. Барин на ней, правда, нечасто бывал: больше на Зосиму, тридцатого апреля, в день своего рождения. Народ, бывало, соберётся, барина ждет, а он чинно так с гостями из усадьбы и выходит, с горы хорошо видно. Подойдёт, бывало, все кланяются, поздравляют, а он с гостями на вышку взойдёт и шампанским стрельнет. Потом начнёт медяки сверху горстями кидать и непременно несколько серебряных меченных монет с ними бросит. Ежели кто найдёт, тому дозволялось на вышку взойти, но не на самый верх, а на нижнюю площадку, там водкой угощали. Из нашей-то деревни больше эти деньги ребятишки подбирали, да барин это и замечать не хотел. Так-то!

Старик умолк и подождал, когда я попрошу его рассказать ещё.

–Потом Первая мировая началась, тогда её называли Второй Отечественной. Первой-то считалась война с Наполеоном! Тут уж не до барина было... Купальню всю илом занесло да тиной... Да и сам он уж немолодой стал, к реке вовсе не спускался. Сам знаешь, какие у нас горы. Позже мрамор растащили, но больше в ил ушло. Вот остров-то и образовался!

Вышку я тогда уже мало сторожил. Это поначалу в диковину, а потом привыкли. Ну, вышка и вышка. В войну и вовсе не до неё было. Барин мне платить меньше стал, сказал, что дела теперь меньше, но чтобы смотрел. А перед самой революцией он вдруг ремонт надумал. Сам мне сказал: дескать, вышка старая стала, подновить её нужно, и чтобы я не ходил сюда, здесь работники и так будут, смотреть незачем. И впрямь, Немец что-то под вышкой при барине делал. Ну, я в это время к тётке, за реку на старый хутор и ушёл. Тогда говорили «на старый план». Она да приживалка там жили. Пробыл несколько дней и домой наутро вернулся. Только на крыльцо ступил, а мне соседка кричит: – Вышка-то сгорела!

– Как так?

– А так: царя-то нет, вот барин-то и сбежал! Иди скорее туда!

Я бегом, гляжу – и впрямь, завалилась вышка и обуглилась сильно, дымится ещё местами. Если бы не погода, то ничего бы не осталось! А из барского дома добро тащат: кто побойчей – тот самовар, кто поглупее – картину. Подхожу ближе, а мне и кричат: – Революция! Всё теперь общее! Барина нет, все разбежались, бери что хочешь!

А в усадьбе уже одна громоздкость осталась да книги валялись. В одной из комнат стул валялся, я его зачем-то и взял. Дома мне за него сильно досталось...

Барина-то скоро поймали, по барьям-соседям прятался, да всё допытывались, куда он богатство – золото девал. А он и говорит: – Проклят тот будет, кто позарится на него!

Ну, его в Рузу на Ивановскую гору и повезли, там поначалу на пуговичной фабрике что-то вроде ревкома было, да, видно, отпустили его оттуда. Пришел он вскорости в усадьбу неведимый. Да как там жить? Никого и ничего. Из некоторых окон даже стёкла унесли. Ну, говорят, он к брату в Москву и уехал. А тут, представь себе, каменщика утопшим нашли, царствие ему небесное. Поначалу-то удивлялись: неужели с прислугой сбежал? Ему-то зачем? Чай не повар! Повар у барина был – что ты! На хромой козе не подъедешь! Даром что повар. Как же, с баринном в Париж ездил! Это ещё до вышки было... Такие вот дела.

Старик перевёл дух и продолжил: – И вот, как-то раз под вечер подхожу к усадьбе, гляжу, там след вроде как от ямщицких саней, у наших-то розвальни, и кто-то ходит, на мужика не похожий. Подошёл. Помню, ещё в руке у меня топор был, и спрашиваю: – Кто такой? И чего здесь надо?

– Я то, говорит, брат хозяина усадьбы, а ты какое отношение к ней имеешь?

Ну, я ему и сказал, что сторожем был. Он посмотрел кругом и злобно так: – Обобрали барина и голым выставили, сторожа – хозяйева!

Я ему: – Не очень-то! С чем барин ушёл отсюда, с тем и вернулся.

– Да так ли?

– Сам не видел, а мужики сказывали, что при поимке обыскали и, кроме часов да перстня с камнем, ничего у него при себе не нашлось, разве что из одежды да кошелёк. И то не взяли! У нас отродясь воров не было. Он сам сбежал и всё бросил, и, ежели из усадьбы что берут, так по надобности. Ещё потолковали. Он и спрашивает: – А вышка чем революции не угодила? Я ему и Расскажи про пожар: дескать, сам удивляюсь. Только ежели рассудить, барская забава всегда мужику поперёк горла. На этом и разошлись.

Старик умолк. Я сидел, не смея проронить ни слова.

– Кажись, года два прошло, или больше, я уже женатым был, усадьбу всю растащили, разве только, от барского дома осталось что... Даже обгоревшие брёвна от вышки – и те взяли... Жена у меня при родах умерла, царствие ей небесное.

Владимир Кузьмич перекрестился и, вздохнув, продолжал: – Да, два года с половиной... Я тогда точно чумовой стал, места себе не находил. На вышку пришёл как-то, сел на столб. Долго сидел, а потом и думаю: – Что это Немец делал?

Смотрю, посередине, меж столбами, квадрат цементный появился – аккурат на вершок ниже земли. Раньше-то не замечал: золой да угольями засыпан он был. Там ведь фундамент под лестницу был, тоже квадратный, но чуть выше земли!

И вот, брат ты мой, то о жене-покойнице думаю, то о вышке, то о жене, то о барине. И так что ни день. Зачем это, к примеру, брат барина приезжал? Это зимой-то! И действительно, куда это богатство делось? Что-то у него наверняка было, не один же перстень? Перстень он, и вправду, носил, красивый такой, с большим бриллиантом, а внутри – по оправе – надпись чудная...

– Откуда же, дедушка, ты знаешь, что внутри написано? Разве ты видел? – не выдержал я.

Он как-то странно посмотрел на меня – будто увидел впервые. – Мал ты ещё...

Затем встал, помедлил и ушёл. Мне стало как-то не по себе. Нечаянно обидел старика, наверное, он больше нечего никогда не расскажет, но тут же подумалось, что бабка была права: сказки сказывает. Эта мысль немного подняла настроение, и я побрёл домой. Вечерело. За лес, перед которым стоял дом Владимира Кузьмича, садилось огромное багряное солнце, и от этого и лес, и дом казались особенно тёмными и таинственными. В это лето мы больше не встречались, а затем и вовсе я с родителями надолго уехал.

3

И вот я опять в этих местах. Мне хотелось сразу побывать везде, увидеть сразу всё, что когда-то было моим миром. Остров перестал быть купальней, вырос и превратился скорее в выступ берега с топкой перемышкой. На вышке по-прежнему из земли виднелся краснокирпичный фундамент, разве что больше ушёл в землю и зарос. Посреди него – старое пепелище от огромного костра. Окопы вокруг превратились в сильно заросшие канавы. У того самого дуба появились сухие ветви и он уже не казался таким огромным и могучим. Под ним, впрочем, стояла новая лавка. Всё вокруг состарилось и как-то съежилось. Друзья постарше были в армии, у ровесников свои дела и посвящать в них меня они не спешили – я стал чужим. Владимир Кузьмич, как мне сказали, в полном здравии и уме, постарел только сильно. Из деревни теперь редко отлучается и чаще по вечерам сидит у околицы. Где-то через неделю я увидел его. С каким нетерпением я ждал этой встречи! Владимир Кузьмич сидел под дубом один, в том же картузе, новой рубахе, с палочкой в руках. Постарел он действительно сильно. Я поздоровался.

– Володя! – обрадовался он. – Здравствуй. Раньше он никогда меня не звал по имени. Впрочем, раньше он меня никак не называл.

– Дайка, я посмотрю на тебя. Вот ты какой стал... Возмужал! Да садись, садись!

Мы разговорились: больше о здоровье, о родных и знакомых.

– А помнишь, Володя, про барина я тебе рассказывал? Вышку?

– Как можно? Всё помню! Всё!

– Ну, и хорошо... Холодать уже стало. Пойду я, пожалуй, а ты посиди, посиди, здесь хорошо...

Старик встал и медленно пошёл домой. Я его не видел ещё дня два, а на третий встретились мы у его дома.

– Володя, что же ты не заходишь ко мне? Ты ведь у меня никогда и не был! Заходи!

Через узкое крыльцо мы прошли в дом – довольно просторные тёмные сени, посередине длинный стол, на нём ведра с водой, за ним топчан, на стене полка с инструментами, над ней старинная лучковая пила, сбоку дверь, закрытая на засов. «Должно быть, эта дверь в пристроенный сарай» – мельком отметил я. Другая дверь, обитая войлоком, вела в жилую часть дома. Хозяин с заметным усилием распахнул её, и я оказался в комнате с отгороженной кухонькой, большой русской печью, рядом с которой была совсем маленькая, с конфорками. У окна массивный стол, с одной его стороны обшарпанный резной стул, с остатками некогда зеленой кожи, с другой – сундук, покрытый лоскутным одеялом, перед столом большая лавка. На тёсанной, казалось, полированной, стене – ходики, зеркало, численник и фотографии. Под ними кушетка с заправленной постелью. Ещё дверь, запертая на кованый крючок, но куда вела она, не знаю.

– Это мои родители. А это тётка. Первые фотокарточки в деревне! Их, правда, уже после войны племянник сделал из прежних попорченных. Отец крупные портреты любил! Тут братья и сестра. Царствие им небесное! Ну, это я в партизанах с командиром нашим: благодарность выносит! А тут... тебе не интересно будет. Да ты, садись, садись, сюда, на стул. А я, по привычке, на сундуке посижу. Самовар сейчас будет!

За чаем мы опять вспоминали родственников и знакомых. Затем ещё раз рассматривали фотографии теперь уже внимательно и снова сели за стол.

– Что же, Володя, ты про барина не спрашиваешь? – Неловко как-то!

– А знаешь, я ведь Леманна-младшего, ну, брата барина, хоронил. Под чужим именем, правда, да господь разберёт... – С этой вышкой я тогда чуть с ума не сошёл – это было произнесено так, будто давний разговор о Леманне и не прерывался. Всё ходил туда и догадался: барин велел Немцу, имени-то его не помню, потайной колодец под вышкой сделать, спрятал туда добро, да каменщика и утопил, должно быть. Вышку поджёт – и бежать. Прямо как чувствовал что. Думал, кто там искать будет? И место приметное, всегда отыскать можно. И решил я, брат ты мой, выкопать клад.

И вот, как-то ночью, взял лом, лопату – да и на вышку. Как сейчас помню: вышел из избы, кругом тихо, на небе ни облачка, луна светит, а когда до вышки дошёл, туча из-за леса вышла, ветер поднялся, и только я ломом по пятаку стукнул, как молния сверкнула, гром и ливень начался. А ведь рановато для гроз! Вспомнил тогда слова барина, страшно стало, перекрестился – и назад. Только клад из головы не выходит. По ночам то жена-покойница снится, то клад, то жена, то вышка. Аккурат на Зосиму, помню, лёг не в избе, а в сенях, печь больно натопил, да всю ночь на новом месте и ворочаюсь, никак уснуть не могу, чудится мне, будто барин клад выкопать хочет. Измучился весь... Встал – и на вышку. Подхожу и точно: кто-то стоит на коленях, рядом фонарик, и саперной лопатой скребёт. Ну, я подкрался и навалился на него покрепче. Он и не сопротивляется! Кто такой, спрашиваю? А он хрипит только, отпустил его да фонариком и посветил. Гляжу, а это брат барина!

– Что, – говорю, – братец каменщика утопил, вышку поджёт и был таков, а ты добро забрать хочешь?

А он шепчет: – Кто ты?

– Не узнаёшь? Сторож я! Мы уже раз виделись!

– Умираю... И впрямь, лежит, не шевелится и тихо стонет. Ну, я лесом и принёс его в избу.

Смотрю – батюшки, да он ранен в плечо. Лечил его, конечно, как мог. А чтобы никто не знал, положил его в маленькую комнату, тогда у меня пятистенка ещё большая была. Так вот, дня через два ему полегчало, поразговорчивее стал. Спросил, откуда я про клад знаю.

– Догадался, – говорю.

Позже и рассказал мне. Приехал к нему брат, плачет: дескать, имение растащили, вышку сожгли, в ревком отвезли и там всё фамильное отобрали – ценность представляет. Одни часы оставили. Прощения просил. Они с братом-то из-за наследства разошлись, вроде как не поделили.

Леманн много мне чего рассказывал: и про семью, про всех дедов да прадедов, и всё у него цари да бары, купли да продажи. Да я мало чего про это запомнил – он о своём семействе говорит, а я о своём всё думаю. Сказывал, что поначалу брату поверил. Да и как не поверить? Кругом тогда что делалось! Свояченицу, сказывал, приютить пришлось, её сразу раскулачили. Просто выгнали из дома со всеми домочадцами, а она, говорит, шутила: – Мы гордиться должны, что в нашей усадьбе главный штаб сделали! Так-то! Только потом сомнение его взяло: отчего это, скажем, часы оставили? Якобы, редкие они были, с фигурами, эмалированные, от деда. И сокрушался братец-то больше о перстне.

– Дурачье! – говорил. – А туда же, Россией править хотят!

На перстне-то резьбу увидели, так больно подозрительной показалась, чуть ли ни шифровкой! Ювелира местного приволокли, тот тряся, как осиноый лист. Тоже дурак, всё «не знаю» да «кажется» мычал. В Кремле об этом узнать советовал. Эко хватил! Так ведь поехали в Кремль!

Когда брат в Париж уехал, он ещё больше засомневался. А позже сюда примчал, и мы с ним случайно и встретились. И после этого все его сомнения развеялись: где-то, думает, на усадьбе фамильное спрятано. Но где? Разве найдешь!

Поехал он в Рузу... Руза не Москва! Разыскал там ювелира, оказалось, никакой он не ювелир, а больше часовщик, хотя тоже не очень, но лавку держал. Ювелирным делом только поначалу занимался. У всех, видишь ли, лавки, и у Шевердяевых и у Кармалина, у Зуева, на что уж купцы известные, и то... а у него на вывеске – «Магазин»... из немцев! Он за деньгито и рассказал, что действительно, в ревкоме ему перстень показывали и надписью интересовались: давно ли она сделана. Сказал, что вроде давно. Ещё сказал, что вещь старинная, и лучше о ней справиться у ювелира кремлевской ризницы, его, якобы, дальнего родственника. И решил младший Леманн, хотя бы перстень вернуть, а как – и сам ещё не знал. Вернулся в Москву – и к ювелиру; представился и сразу о перстне-то и выложил, хотя, конечно, никакой уверенности, что перстень у него, не было. Разве узнать что. Да не сразу у них сладилось-то. Леманн ему о своих предках рассказывал, то да сё, просил всё перстень фамильный показать, говорил, что из России скоро уедет.

С этим перстнем-то у них в роду предание от отца к сыну шло. Будто бы прапрадед их в Россию Лефортом был выписан в наставники русской армии. Да ничего путного из этого не вышло, так я понял, хотя и чин имел. Прадед тоже военным был и в турецкую кампанию у какого-то набольшего турка перстень-то и отвоевал. Откупиться тот хотел. Перстень тоже знаешь... исторический! Якобы царей тамошних. Во как! И умудрился, запомнил уж через кого, самому Потёмкину поднести, а тот храбреца пожелал видеть, за подвиг перстень вернул и велел надпись на нем сделать. Только слова все никак не уместались, и решили тогда одни первые буквы вырезать. Вот надпись-то чудная и получилась. Что за слова там были, я не упомянул – речь-то больно непривычная. Вроде как даже с укоризной. Да... Ювелир-то, признался, что приходил к нему студент-недоучка, весь расхристаный, ободраный, как после драки. Аж перепугал всех! Да как не впустить, ведь при мандате! О надписи расспрашивал, о камне и приказывал перстень у него оставить. Ну, тот возражал: говорил, что к ценностям Кремля это никакого отношения не имеет. Да разве поспоришь? Вынул тот револьвер и расписку про-

диктовал, сказал, что некогда ревкому побрякушками заниматься, обещал скоро вернуться. А перстень-то он так и не показал... Однако была у ювелира коллекция копий. Все камни ризницы себе сделал и дома держал. И так ему перстень понравился, что скопировал и его, и даже надпись воспроизвел. Вот он Леманну копию-то и показывал. И ведь что тот шельма придумал: уговорил какого-то вора всю коллекцию унести и ему отдать. И только он её получил, так сразу к ювелиру.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.